

18+

КОСМОС
КОЛМОГОРОВ

ГОСПОДИН К.

Космос Колмогоров Господин К.

<https://litres.ru/74503929>

ISBN 9785007129213

Аннотация

Человек делает выбор каждый день: от чашки кофе по утрам до черты «жить или умереть». Я написал эту книгу, когда сам стоял перед этим выбором. Здесь нет фальши — только петербургский нуар, застывшие часы на 00:00, цена свободы, оголенный нерв и путь из тьмы к Свету. Читать ее или пройти мимо — ваш выбор.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРОВОДНИК И СВЕТ	5
Глава 1. Серый утренний раф	5
Глава 2. Замороженный замок	12
Глава 3. «Лавка 1/7» на Пестеля	15
Глава 4. Запах другого солнца	18
Глава 5. Проблеск памяти	23
Глава 6. Скамейка у Исаакя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Господин К.

Космос Колмогоров

Фонари на мосту светят не для того, чтобы тебе было видно дорогу.

А просто потому, что их природа — дарить свет.

Даже если их никто не видит.

Даже если завтра их разобьют.

© Космос Колмогоров, 2026

ISBN 978-5-0071-2921-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРОВОДНИК И СВЕТ

Глава 1. Серый утренний раф

Я умер...

Рядом сидел ангел смерти. Его безучастный вид не оставлял сомнений в его личности. Мне хотелось кричать, встать, вдохнуть полной грудью, биться в истерике, но все попытки были тщетны. Я был бессилен. Вдруг ангел заговорил. Его голос был уставшим, но при этом удивительно приятным, успокаивающим и — что самое странное — знакомым:

— Ну перестань, ей-богу, что ты как маленький? У всех это в первый и последний раз. Подожди пару минут, душа привыкнет к свободе от тела и выйдет... Не пытайся кричать, побереги свою психику, — закончил он с легкой ухмылкой.

Я цеплялся за надежду, что это сон, инсульт, пищевое отравление, галлюцинация, сонный паралич, в конце концов... Господи! Такое уже бывало: тело будто каменеет, ты не можешь пошевелиться, пытаешься позвать на помощь, но ни рот, ни мышцы тебя не слушаются. Ты кричишь в себя, молишься, вспоминаешь все, что знал о Боге, и вдруг тебя отпускает. Ты отрываешь голову от подушки, приходишь в

себя и снова засыпаешь. Но на этот раз — нет. Финал. Ангел был прав. Душа начала покидать оболочку, и я увидел себя со стороны... Я парил над кроватью, словно воздушный шарик, отпущенный ребенком. Тело казалось серым и безжизненным, совершенно чужим. В груди разливалось странное ощущение легкости, которого я ранее в облике человека не испытывал.

— Ну вот, видишь? — произнес ангел, не поворачивая головы. — А ты паниковал. Готов к следующему этапу?

Я молча смотрел на свое тело, на приоткрытый рот, на неподвижные руки. Следующий этап? Куда дальше? Рай или ад? Про это ведь все твердили. Впрочем, мне было все равно. Я был готов к этому всегда. Всю свою жизнь я ждал этого момента. Пусть это будет ад или рай — какая разница? Мне все равно, где страдать: в цветущих садах или в печи адского огня. Ангел наконец повернулся ко мне. Его глаза, до этого казавшиеся пустыми, вдруг вспыхнули непониманием: «Почему ему вдруг стало не страшно? Неужели он вспомнил?»

— Это зависит от тебя, — ответил он стандартной фразой. — Но сначала... сначала тебе нужно кое-что увидеть.

Он щелкнул пальцами, и мир вокруг начал расплываться. Краски померкли, звуки стихли, и я почувствовал, как меня тянет куда-то... Вперед? Назад? Я не мог понять. Но я знал одно: мой путь только начинается, и я был рад переменам. Последнее, что я увидел перед тем, как мир окончательно исчез — легкая, почти незаметная улыбка на лице ангела.

Космос Юрьевич резко распахнул глаза, тяжело дыша. Сердце колотилось, словно птица в клетке. Он сидел в своей кровати, залитый холодным потом. Вокруг царила тишина предрабачного часа. Это был всего лишь сон...

Космос поднялся с постели и взглянул на туманный город за окном. В этот момент он почувствовал острое разочарование.

— Черт возьми, даже умереть не могу достойно! — прошептал он вслух.

Он оглядел свою «крепость». В квартире царил аскетичный, выверенный до мелочей порядок. Ничего лишнего. Пустота, которая не давила, а скорее — успокаивала своей предсказуемостью. В углу, на старом, но сохранившем благородные узоры турецком ковре, лежали гантели — единственное, что связывало его с прежним «томским» телом.

На кухонной плитке стоял одинокий чайник, рядом на журнальном столе — тяжелая пепельница. Старый шкаф с одеждой, приглушенный, почти больничный свет, отсутствие телевизора, ноута или любой другой цифровой суеты. Здесь жили люди, которые были готовы уйти в любой момент, не оставив после себя ничего, кроме чисто вымытого пола и заправленной постели. Голод — не в желудке, а внутри, в самой груди — был его единственным постоянным спутником.

А ведь что-то интересное только начало происходить.

Хоть что-то зацепило его по-настоящему — и вот тебе, закончилось. Космосу стало даже как-то обидно.

Он подошел к зеркалу в прихожей. Короткая стрижка, сухие скулы, рельеф тела, высушенного годами уличных боев и кикбоксинга еще там, в Томске. На шее, сразу под ухом, белела татуировка в виде строгой вертикальной метки — штрихкод. Символ того, что когда-то он принадлежал не себе.

Космос надел бежевую водолазку — сегодня внутри клочкотала сухая ярость, и плотная ткань служила чем-то вроде корсета, не позволяющего этой ярости вырваться наружу. Застегнул потертый ремень Levi's 2010 года, влез в классические 501-е джинсы и накинул пошарпанное итальянское пальто. Вещь древняя, ухваченная еще в студенчестве, но надежная, как броня. Натянул темные очки — хоть над Петербургом и висело свинцовое небо без единого намека на солнце. На ноги — черные полуботинки, из-под подвернутых джинсов выглядывали яркие зеленые носки. Его личный мелкий дерзкий бунт против серости этого мира.

Выйдя на открытую площадку балкона на Киевской улице, Космос достал сигарету.

В углу, облокотившись на чугунный парапет, уже стоял сосед — Сергей Михайлович. Человек старой закалки, вечно ворчащий на весь мир.

— Доброе утро, Космос, — бодро прохрипел сосед.

— Доброе ли оно, Сергей Михайлович? — глухо отозвал-

ся Космос, щелкая зажигалкой.

— А ты посмотри вниз, — сосед сплюнул. — Глянь! Машины, витрины... Откуда у людей деньги на все это? Воруют, суки. Однозначно воруют...

Космос молчал, втягивая едкий дым. Сигарета на морозном балконе — не привычка. Это легальная пауза, пять минут тишины, чтобы обдумать дела, вспомнить себя... и умереть чуть пораньше. В этом городе у всех был дефицит витамина D, но Космос Юрьевич почувствовал, что у него дефицит самой жизни.

И в этот момент время споткнулось.

Тишина накрыла балкон так резко, будто кто-то перерезал аудиокабель. Гул машин на Киевской смолк. Крики чаек над Обводным каналом исчезли. Серый сигаретный дым не поднялся вверх, а застыл в воздухе неподвижной цементной нитью.

Сосед запнулся на полуслове.

Космос медленно повернул голову. Поза Сергея Михайловича больше не была расслабленной. Мышцы на его шее вздулись канатами, а лицо повернулось с жутковатым, сухожильным хрустом. Водянистые старческие глаза соседа стали абсолютно черными. Две бездонные дыры, наполненные вибрирующей, вязкой тьмой.

— О-о-о... 714-й, — прохрипело Нечто из глубины грудной клетки старика. Голос был многослойным, вибрирующим, похожим на скрежет ржавых петель. — Какая встреча.

Старый знакомый Проводник...

Сущность накренила голову, разглядывая Космоса с ядовитым торжеством.

— Ты думал, мы не помним тебя? Ты думал, если Кураторы заблокировали твои силы, стерли тебе память и списали в утиль на эту серую улицу — ты стал обычным человеком? Посмотри на себя, Юрьич! Ты сидишь в этом промерзшем гадюшнике один. Без сил, без признания, без семьи. Твой Создатель и твои хваленые Кураторы выбросили тебя, как использованную ветошь. За что? За то, что ты проявил сиюновое милосердие?

Внутри у Космоса закипела обида — дикая, темная, накопившаяся за годы одиночества. С ним действительно поступили несправедливо. Его выбросили.

Но страха перед Сущностью не было вообще. Наоборот — где-то в глубине подсознания, сквозь ледяную пелену блоков, пробивалось воспоминание о том, кем он был на самом деле. Он был 714-м. Он был тем, перед кем эти твари раньше дрожали в ужасе. Память просыпалась.

Космос спокойно выпустил остатки дыма прямо в черные глаза Сущности.

— Я не продаюсь тварям из подворотни. Убирайся.

Сущность издала звук, похожий на сдавленный смех:

— Ты еще вернешься к этому разговору, 714-й... Когда твоя серая жизнь окончательно замерзнет.

Мир дернулся. Звук вернулся так резко, что заложило

уши. Грохнул грузовик на Киевской, Сергей Михайлович моргнул и как ни в чем не бывало закончил:

— ...вот я и говорю, Юрьич, воруют все! Понимаешь?

— Понимаю, — тихо сказал Космос, глядя на тающий иней на плече пальто. — Воруют все. И даже время.

Он развернулся и пошел вниз по лестнице.

На улице, у старой овощной лавки, припаркована была его машина — старенький черный «БМВ» 3-й серии. Он стоял как вкопанный, такой же грустный, черный и молчаливый, как и его хозяин. Металл кузова впитывал в себя серый питерский туман.

Космос сел за руль, гулко хлопая дверью. Старый мотор отозвался глухим, бархатистым рыком. Ему нужно было ехать на пересечение Соляного переулка и улицы Пестеля — туда, где находился его небольшой камерный магазин-кофейня «Лавка 1/7». Ему нужны были горячий кофе, своя территория и время, чтобы уложить в голове проснувшуюся память.

Глава 2. Замороженный замок

Кабинет был воплощением холодного порядка. Ни единой лишней детали. Стены из темного полированного камня, огромный стол из черного стекла, за которым сидела Она.

Ее имя в протоколах значилось как Куратор. Женщина лет сорока пяти, с резкими чертами лица, глазами цвета замерзшей стали и волосами, стянутыми в тугий узел на затылке. В ее взгляде читалась не усталость, а бесконечная ледяная отрешенность.

Перед ней, на прозрачной панели, мерцала карта Петербурга. Одна точка на Киевской улице светилась пульсирующим красным светом. Рядом висело цифровое досье:

«Объект 714. Колмогоров Космос Юрьевич. Статус: Деактивирован / Временная заморозка. Причина: Нарушение Протокола 4.7 (несанкционированное вмешательство в цикл перехода). Локация: Санкт-Петербург, 2026 год. Текущее состояние: Попытка вербовки сторонней Сущностью. Пробуждение первичной памяти».

У стола, ровно в трех шагах, стоял молодой человек в строгом сером костюме. Наблюдатель.

— Докладывай, — голос Куратора прозвучал ровно, без единой эмоции.

— Куратор, зафиксирован прямой контакт Сущности низшего порядка с Объектом 714 через местного жителя, —

Наблюдатель говорил чеканно. — Пожиратель пытался использовать накопившуюся обиду Объекта на Систему. Предлагал объединиться и разгонять соблазны в городе.

Куратор едва заметно нахмурилась.

— И какова реакция 714-го?

— Объект отказался. Но его эмоции нестабильны. В процессе контакта у него зафиксирован всплеск активности заблокированных нейросетей. Он начинает вспоминать, кем был.

Куратор откинулась на спинку кресла и посмотрела на объемную схему карманных часов, застывших на отметке 00:00.

— Он все еще ищет смерти? — тихо спросила она.

— Да, Куратор. Каждое утро он надеется не проснуться. Его человеческое эго мечтает поставить точку.

— Глупый... — в голосе Куратора скользнула тень сухой иронии. — Он до сих пор не понял механику своего наказания. Пока его карманный хронометр заблокирован на полуночи, Смерть не имеет над ним власти. Он не может умереть. Ни во сне, ни от пули, ни от собственного шага с моста. Часы на 00:00 — это его персональный замок. Он застрял между мирами и будет сушить свою душу в этом сером Петербурге до тех пор, пока мы не решим иначе.

— Каковы указания? — спросил Наблюдатель. — Сущности чувствуют его старую силу. Они будут предпринимать новые попытки вербовки. Они не знают, что он деактивирован.

— Пусть пытаются, — Куратор закрыла досье одной связкой клавиш. — Смотри за ним. Если он просто держит удар — не вмешивайся. Но если его память вернется полностью и он попытается взломать замок на 00:00... немедленно доложи мне.

— Принято, Куратор.

Экран погас. Кабинет снова погрузился в ледяную тишину, а в это время на другом конце реальности черный «БМВ» Космоса уже сворачивал с Литейного проспекта на улицу Пестеля.

Глава 3. «Лавка 1/7» на Пестеля

Черный «БМВ» замер у тротуара на углу Соляного переулка и улицы Пестеля. Космос заглушил старый мотор, выдернул ключ из замка зажигания и секунду сидел в тишине салона, глядя, как туман оседает на лобовом стекле. В груди все еще жгло от разговора с Сущностью на балконе, а в голове, как в разбитом калейдоскопе, проворачивались осколки чужой и одновременно до боли родной памяти.

Он толкнул тяжелую стеклянную дверь.

Внутри «Лавки 1/7» царил иной мир. Здесь пахло пережаренным эспрессо, свежим хлебом и подсохшей древесиной. В полумраке зала горел мягкий, теплый свет. А на самом видном месте — на специальной брендированной подставке, напечатанной на 3D-принтере, — строго и гордо возвышалась одна-единственная книга. Без соседства, без полки, словно последний уцелевший артефакт в этом сером городе.

За стойкой мелькала фигура Ромки — его друга и бариستا. Ромка был полной противоположностью Космосу: живой, подвижный, с вечным пропеллером внутри и святой верой в то, что этот мир еще можно починить.

— Юрьич! Ну наконец-то! — Рома обернулся, вытирая питчер полотенцем. — Ты чего опять такой хмурый, будто тебя только что из морга выписали?

Космос подошел к стойке, снял очки и глухо произнес:

— Ром, отвали. Просто в морге стало слишком уютно, вот и пришлось снова идти сюда — смотреть на твое счастливое лицо. Ничто так сильно не заставляет меня захотеть сдохнуть, как твоя бодрость с утра.

Ромка на секунду замер, а потом заржал во весь голос — громко, искренне, во всю свою широкую белозубую улыбку.

— Космос, ты реально больной на всю голову! Мне это чертовски нравится... Хотя даже в слове «чертовски» есть «черт», зацени! Ничего, Юрьич, я все равно тебя растоплю, вот увидишь. Запомни мою мудрость: добро всегда ставит раком зло. Без вариантов.

— Философ хренов, — уголок губ Космоса едва заметно дернулся. — Сделай мне большой раф. И поменьше своего оптимизма туда налей, а то отравишь.

— Будет сделано, шеф! Самый суровый раф в этом полушарии!

Космос забрал чашку и сел у широкого панорамного окна, выходящего на мокрую улицу Пестеля. Он сделал первый глоток. Горячий сливочный напиток на мгновение обогрел пищевод, но ледяной комок внутри так и не растаял.

Космос взглянул сквозь стекло на прохожих. И тут его пробрал ледяной озноб.

Пространство перед глазами на мгновение потеряло четкость, словно на объектив навели фокус. Космос сжал чашку так, что фаянс хрустнул.

Он увидел их.

По тротуару шел солидный мужчина в дорогом пальто, державший у уха телефон. И прямо над его плечами в воздухе извивался мерзкий полупрозрачный серый жгут. Тварь. Сущность низшего порядка. Она не была видна обычным людям, но Космос теперь считывал ее четко. Сущность шептала что-то в ухо мужчине, и тот вдруг на ровном месте сорвался, заорал в трубку, брызгая слюной и наливаясь багровой яростью.

Чуть дальше шла молодая пара. На руке у парня сидел такой же темный сгусток, подталкивая его сжать кулаки и грубо дернуть девушку за локоть.

Космос закрыл глаза и сжал переносицу. Память пробила блоки один за другим.

Они не просто живут здесь... Они жрут их. Они разгоняют в людях соблазны, гордыню, злобу, чтобы сожрать их время раньше срока.

Он снова был 714-м. Он снова видел подкладку этого мира.

И где-то в самом темном уголке души, несмотря на всю его обиду на Куратора, проснулось давно забытое суровое чувство — ярость Защитника.

Глава 4. Запах другого солнца

Дождь за окном «Лавки 1/7» усилился, превращая улицу Пестеля в размытую акварель. Серые жгуты Сущностей за стеклом продолжали виться вокруг редких прохожих, но Космос сидел неподвижно, медленно допивая свой раф. Ярость внутри сменилась привычной сухой концентрацией. Он снова был Проводником. Он снова все понимал.

Звякнул колокольчик над входной дверью.

В кофейню вошел промокнувший курьер в яркой дождевой куртке. В руках он держал плоскую, но довольно объемную прямоугольную коробку, плотно замотанную в несколько слоев упаковочной пленки и скотча.

— «Лавка 1/7»? — переспросил курьер, вытирая мокрый лоб. — Колмогоров Космос Юрьевич здесь?

— Я, — Космос поднялся из своего угла.

— Вам международная доставка. Подпишите вот здесь.

Ромка тут же высунулся из-за стойки, вытягивая шею с искренним детским любопытством.

— Юрьич, это че такое? Метеорит из Европы? Наркота? Запасные детали для твоего «БМВ»?

— Отвали, Рома, — без злобы отозвался Космос, ставя размашистую подпись на планшете курьера. — Да сам не знаю, что это. Возможно, ошибочно доставили.

— Да перестань! — Рома вышел из-за стойки, вытирая

руки полотенцем. — Назвали твоё имя, твоё место, не тупи! Может, книга? Ты ведь хотел что-то международное привезти. Хотя... Если ты сам выбирал, значит, очередное унылое дерьмо, которое будет тут пылиться!

— Очень смешно, — качнул головой Космос.

Он взглянул на международную наклейку: Budapest, Hungary. И в этот момент в памяти вспыхнула бессонная ночь двухнедельной давности.

Четыре часа утра. Морозный балкон на Киевской, сигаретный дым и открытый экран телефона. Он тогда искал какой-то настоящий, живой арт для стены «Лавки 1/7». Наткнулся на пост художницы из Венгрии. Она отдавала картину, написанную на пике своего счастья, и искала для неё человека, который поймет её суть. В комментариях бушевала ярмарка тщеславия — сотни людей соревновались в слащавых комплиментах.

Космос тогда нахмурился, стряхнул пепел с сигареты и написал прямо, без всякого флирта и душноты:

«У меня в Петербурге есть небольшая кофейня. Здесь слишком много серого тумана и пустых слов. Ваша картина выглядит как что-то настоящее. Если ей нужен дом, где её поймут — присылайте. Обещаю, она будет в безопасности. „Лавка 1/7“, ул. Пестеля».

Он написал это, в конце сообщения машинально прикрепил адрес своей «Лавки 1/7» и тут же забыл, искренне считая, что среди глянцевого поклонников его суровое сообще-

ние просто затеряется. Но она выбрала его. И теперь картина была здесь.

Космос достал из кармана пальто складной нож, поддел скотч и аккуратно разрезал картон.

Слой за слоем он снимал пупырчатую пленку. И когда последний покров упал на стол, внутри кофейни словно кто-то бесшумно включил дополнительный источник тепла.

На столе лежал холст. Картина. Небольшой квадратный холст, по центру которого были изображены два обнимающихся силуэта. Один, словно выхваченный из рассветного неба, был окрашен в пронзительный, почти малиновый цвет. Другой, прильнувший к нему, перетекает в глубокий меланхолический ультрамарин. Их очертания были размыты, цвета перетекали друг в друга, стирая границы, как будто они были единым целым, сотканным из эмоций. По белому фону холста были разбросаны хаотичные брызги тех же красок — розовые и синие, словно разлетевшиеся искры чувств.

Внизу, небрежным, но уверенным почерком было написано: YOU SMELL LIKE LOVE. Слово LOVE было выведено особенно ярко, кроваво-красным.

Ромка замер. Его привычная ирония куда-то улетучилась, он сдвинул брови, разглядывая холст.

— Слушай, Юрьч... Я в мазне этой вашей не шарю, конечно. Но от нее реально как будто согреться можно. Откуда это?

Из коробки вместе с холстом выпала небольшая открытка

с изображением птицы. Космос перехватил ее и молча протянул Ромке — тот сгорал от любопытства.

Рома развернул открытку и зачитал вслух аккуратный женский почерк:

— «Неожиданно для себя я выбрала вас. Пусть эта картина накроет теплом и любовью вашу суровую лавку... а может, и жизнь».

Ромка поднял глаза на Космоса, и на его лице расплылась широченная улыбка:

— Ни фиги себе, Космос! Это что за романтика? Я же говорил, что собьет тебя с ног когда-нибудь!

— Всего лишь слова, Ром. Хорош уже, а, — сухо отрезал Космос, забрал открытку и убрал ее во внутренний карман пальто.

Но в этот момент Космос осторожно коснулся пальцами шероховатого края рамки.

Во внутреннем кармане его пальто — там, где у самого сердца лежали старые карманные часы, заблокированные Системой на отметке 00:00, — раздался тихий, четкий, механический ЩЕЛЧОК.

Корпус часов на мгновение стал горячим. Стрелка не сдвинулась с места, но внутри механизма дрогнула застывшая пружина. От картины сквозь его пальцы в самую душу пролилась волна настоящей, неподдельной человеческой любви. И вместе с ней — едва уловимый знакомый аромат теплого сухого ветра и подснежников.

Космос резко повернул голову к окну.

Серые жгуты Сущностей, кружившие на улице Пестеля, вдруг с шипением отшатнулись от стекол «Лавки 1/7». Они не могли приблизиться. Золотистое волнение, исходившее от холста, создавало вокруг кофейни купол, сквозь который скверна не могла пробиться.

Космос стоял в тишине, чувствуя, как ледяной панцирь, в котором он жил последние годы, дает глубокую сквозную трещину.

Он не помнил ее лица. Система полностью затерла имена и воспоминания про Протокол 4.7. Но его душа, его 714-й номер, запомнил этот Свет навсегда.

Картина попала к нему не случайно. Свет пробил блоки Кураторов и нашел своего Проводника.

Глава 5. Проблеск памяти

В кабинете Куратора впервые за десятилетия изменилась температура.

Холодный полированный камень стен словно покрылся едва заметным, невидимым конденсатом. На прозрачной панели управления, прямо поверх цифрового досье «Объект 714», вспыхнул желтый предупреждающий индикатор:

«ВНИМАНИЕ: Несанкционированный резонанс. Локация: Санкт-Петербург, ул. Пестеля, „Лавка 1/7“. Источник: Сторонний артефакт (Полотно, Будапешт). Состояние хронометра 00:00: Зафиксирован микроимпульс. Замок блокировки дал трещину. Уровень угрозы: Пробуждение Проводника 714».

Наблюдатель в сером костюме шагнул ближе к столу. Впервые на его бесстрастном лице проскользнуло подобие растерянности.

— Куратор... Картина из Будапешта. Она не содержит кода Системы, но ее поле блокирует Сущностей в радиусе пятидесяти метров. Часы 714-го среагировали на ее касание.

Куратор медленно поднялась из-за черного стеклянного стола. Ее стальные глаза налились опасной ледяной силой.

— Женщина... — тихо, сквозь зубы произнесла Куратор.
— Все-таки она. Спустя столько времени ее память, запечатанная в краске, нашла его.

— Что прикажете? — спросил Наблюдатель. — Изъять артефакт? Зачистить память Объекта повторно?

— Зачистить? — Куратор горько усмехнулась. — Ты думаешь, можно зачистить то, что было выжжено в его сути? Ты забыл, кого мы в свое время сделали 714-м?

Она повернулась к панорамному окну, за которым висела бездонная тьма.

— Мы не искали стерильного чиновника. Нам нужен был тот, кто умеет держать удар. Обычный парень из Томска. С разбитыми в кровь костяшками, в промокшем пальто, с опытом уличных боев и сигаретой в зубах. Парень, который видел всю грязь этого мира, но сохранил внутри неподкупную, суровую искренность. Нам нужен был Проводник с железной броней для Тьмы и с живым Сердцем для Уходящих Душ. И мы получили его.

Куратор сжала кулаки.

— Но мы не учли одного. Если такое Сердце по-настоящему полюбит — оно сломает любые наши протоколы.

— Куратор, его нейросети пробуждаются, — предупредил Наблюдатель. — Вспышка на набережной канала Грибоедова.

— Пусть вспоминает, — отрезала Куратор. — Смотри за ним. Если его замок на 00:00 рухнет... нас ждет война, к которой Система не готова.

В этот же миг в «Лавке 1/7» на улице Пестеля Петербург

для Космоса исчез.

Шум дождя за окном, запах эспрессо, удивленное лицо Ромки — все провалилось в глухую вибрирующую тьму. Пальцы Космоса, касавшиеся шероховатой рамки картины, будто выросли в холст. В кармане пальто у самого сердца нестерпимо горячо запульсировали часы.

И перед глазами вспыхнула ночная набережная канала Грибоедова: шум шквалистого ветра, чугунный парапет, темная вода и его собственный отчаянный крик в темноту: *«Да не могу я, черт бы вас всех побрал! Она должна жить!»* А в ответ — ледяной вердикт о нарушении Протокола 4.7...

...Космос резко моргнул и вынырнул из воспоминания обратно в «Лавку 1/7».

Он стоял у стола, тяжело дыша. Пальцы все еще касались рамки картины. Напротив с открытым ртом стоял Ромка, испуганно разглядывая друга.

— Юрьич... Ты чего? Ты бледный как смерть. Тебе плохо?

Космос медленно опустил руку. В кармане пальто часы остыли, но внутри него больше не было пустоты.

Блок дал трещину. Память пробивалась наружу сплошным потоком. Он помнил, кто он. Помнил, за что его сослали на Киевскую. И теперь он знал, чей Свет приехал к нему в этой коробке из Будапешта.

Глава 6. Скамейка у Исаакия

В «Лавке 1/7» пахло пережаренным эспрессо и подсыхающим маслом.

Космос молча взял холст из рук Ромки и шагнул к центральной кирпичной стене — прямо над столиком, где обычно сидели самые молчаливые гости. На деревянный кронштейн опустилась картина из Будапешта.

И в эту секунду воздух в кофейне изменился.

Серый, тяжелый питерский гнет, который вечно просачивался сквозь щели витрин, вдруг бесшумно отступил за порог. В зале стало физически теплее, словно кто-то невидимый добавил мягкого светлого огня.

Ромка замер с питчером в руках, удивленно повел плечами и уставился на стену.

— Юрьич... Я не знаю, что происходит и что ты там заказал — солнечную батарею или европейскую разработку... но у меня впервые за весь день спина перестала болеть. Реально.

— Никакой магии, Ром, — глухо отозвался Космос, поправляя рамку. — Просто Свет.

Он повернулся к двери. Память Проводника, вернувшаяся после пробоя Протокола 4.7, больше не спала. Она гудела внутри, как мощный генератор. Космос теперь не просто видел Сущностей — он считывал их иерархию. Он чувство-

вал, что сегодня в городе находится Тот, кто управляет этой скверной. Глава. Высший темный архитектор этого сектора.

— Ты куда, шеф? — выкликнул Ромка. — Раф твой остынет!

— Накроешь крышкой. Мне нужно проветриться.

Космос вышел на мокрую улицу Пестеля, сел в черный «БМВ» и повернул ключ зажигания. Старый мотор взревел. Машина плавно тронулась, направляясь в самый центр — на Большую Морскую, к Дому архитекторов.

Через пятнадцать минут черная «тройка» замерла неподалеку от Исаакиевской площади.

Космос вышел из машины, поднял воротник пальто и не спеша пошел сквозь сквер. Накрапывал мелкий ледяной дождь. Над деревьями гигантской золотой шапкой возвышался Исаакиевский собор — мощный, вечный, монументальный, разрезающий своими гранитными колоннами питерский туман.

На деревянной скамейке, прямо напротив центрального портика собора, сидел Мужчина.

На нем было идеальное дорогое черное пальто из тончайшей шерсти, безупречно повязанный шарф и темные туфли, на которых каким-то чудом не оставалось ни капли питерской грязи. В руках он держал трость с латунным набалдашником.

Он не оборачивался, но когда Космос подошел, ровно и сдержанно произнес:

— А, 714-й... Проходи. Присаживайся. Место здесь удивительное. Столько гранита, а внутри — одна пустота.

Космос опустил на холодную скамейку рядом с ним. Это был Глава Сущностей в этом регионе. Тот, кого в старых книгах называли Архитектором Тьмы.

— Я чувствую, твои блоки рухнули, Космос, — спокойно продолжил Глава, глядя на золотой купол Исаакия. — Память вернулась. Ты снова помнишь, как летал над этим миром. И помнишь, как хваленая Куратор стерла твою жизнь за один-единственный шаг. Знаешь, почему мои псы обходят тебя стороной, 714-й? Они помнят, как ты выжигал наших тварей в Новосибирске и Москве. Ты был единственным Проводником, у которого вместо параграфов в голове стояла сухая ярость и неподкупная искренность. Тебя нельзя было купить.

Космос достал сигарету, щелкнул зажигалкой и втянул дым.

— К чему эти дифирамбы?

— К тому, что теперь ты застрял на 00:00, — Глава Сущностей усмехнулся, опираясь на трость. — Ты не можешь умереть, Кураторы забрали у тебя способность любить, выжгли твоё имя из её памяти и выкинули гниль на Киевскую. Ты для нас опаснее, чем весь хваленый аппарат Куратора. Неужели внутри тебя не закипает ярость?

Космос молчал, выпускал струйку дыма в сторону собора. Внутри у него действительно все горело от дикой обиды

на Систему. Но это была не просто ярость. Это была жажда мести.

— Твои Кураторы служат Протоколам, а не людям, — сочно проговорил Глава. — Они вырезали из твоей души все живое. А мы предлагаем тебе справедливость. Переходи на нашу сторону, 714-й. С твоим потенциалом мы перепишем правила этого города. Ты сможешь вернуть себе силу. Ты сможешь запустить свои часы 00:00... нашим способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.